

АДМИН ИЗ ТАЙГИ

КРЕПОСТЬ В ТАЙГЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Админ Из тайги

Крепость в тайге

«Автор»

2026

Из тайги А.

Крепость в тайге / А. Из тайги — «Автор», 2026

«Крепость в тайге» — суровый, предельно реалистичный постапокалипсис о выживании в сердце якутской тайги. Когда мир рухнул после обмена ядерными ударами, пятеро друзей-якутян с семьями ушли вниз по Лене. То, что строилось как охотничья база для отдыха и рыбалки, стало их последним убежищем. За высоким частоколом, в глухом распадке, им предстоит построить новый мир. Здесь нет мутантов, зомби и супергероев. Здесь есть: Лютые морозы под минус семьдесят, глухая беспощадная тайга и река, которая кормит — но может и убить. Настоящие люди. Враги — не монстры, а такие же выжившие, готовые на всё ради горсти патронов и еды. Война идёт не только с чужаками, но и с голодом, холодом, радиацией и собственной совестью. Каждый выбор имеет цену. Это книга о том, как строить крепость не только из брёвен, но и из людей. О том, что даже в аду можно остаться человеком. Или не остаться.

© Из тайги А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Крепость в тайге

Глава

Название: Крепость в тайге. Книга 1

Автор(-ы): Админ из тайги

Глава 1

Август. В Якутии было время, когда мужчины бросали всё и уезжали на реку, в тайгу. Офисы и сёла пустели. Над Леной стоял низкий, утробный гул моторов, плывущий над серой водой, отражающийся от скалистых берегов и затухающий где-то в распадках. Пахло бензином, речной сыростью и разогретой на солнце хвоей. Пять лодок шли вниз по течению — тяжёлые, клёпаные, с высокими носами и широкими корпусами, надёжные работяги, не боящиеся ни волны, ни перегруза. Шестидесяти сильные моторы вспарывали воду, оставляя за кормой пенные усы. Олег, Андрей, Василий, Николай и Роман с семьями ехали на свою базу — предмет тихих и не очень разговоров в гаражах и на кухнях. Впереди были два дня рыбалки, вечерние костры с искрами в чёрное небо, разговоры под россыпью незнакомых городским жителям звёзд.

Стояла та особенная августовская погода, когда летний зной уже спал, но было ещё настоящему тепло — мягко, безветренно, с лёгкой прохладцей только по утрам. Воздух был прозрачным и чистым, небо — высоким, синим, с редкими перьями облаков. От воды тянуло сыростью, от тайги — хвоей и прелым листом, и ветер, гулявший над Леной, приятно охлаждал лица, не заставляя кутаться. Лодки шли ходко, рассекая воду тупыми носами, и дети смеялись, перекрикивая шум двигателей, показывали пальцами на проплывающие берега — на чёрные скалы, поросшие мхом, на песчаные косы, на коряги, торчащие из воды, как кости доисторических чудовищ.

На базу пришли к обеду. Солнце стояло высоко, грело мягко, и тени были длинными, размытыми. Семён, старый эвенк, встретил их у скрытого с реки затона в устье маленькой протоки, помог причалить. Был он немногословен, как и всегда, но улыбался в редкую седую бороду, и глаза его, выцветшие от многолетнего таёжного прищура, светились теплом. Видно, рад был гостям — всё-таки живое слово, новости с большой земли, детский смех. Пока женщины разбирали вещи и обустраивались в домах, мужики уже снова толкали лодки на воду — им не терпелось, руки чесались по удилищам.

Разъехались по ручьям. Олег с Романом ушли на дальнюю протоку, где, как сказал Семён, сейчас держалась крупная щука — зубастая, бывшая малька в зарослях кустов. Андрей с Василием пошли на ближнее озеро, круглое, как блюдо, с тёмной торфяной водой и ковром ряски у берегов, — ставили сети на карася. Николай взял с собой Диму, шестнадцатилетнего сына Олега — вдвоём обкидывали ближнюю протоку, где течение было почти незаметным, а вода ещё хранила остатки летнего тепла.

Клевало хорошо. Окунь брал жадно, с налёта, гнул кончик спиннинга резкими злыми тычками. Щука попадалась бойкая, упористая, но не крупная — килограмма на три, редко на пять, не больше, — яростно мотала головой у самого борта. Однако главный трофей дня ждал Олега.

Щука взяла на воблер. Удар был такой, что удилище согнулось в дугу, и Олег едва не выронил его из рук. Он подсек на автомате, на мышечной памяти — и понял: крупная. Леска запела, натянувшись до звона, щука пошла в глубину, потом рванула в сторону, потом свечой выпрыгнула из воды — огромная, зеленовато-бурая, с распахнутой пастью, в которой белел воблер. Брызги разлетелись веером, застучали по борту лодки. Роман присвистнул. Вываживали минут десять — Олег не форсировал, давал ей устать, чувствуя, как гудит фрикцион, как

уходит и возвращается леска. Когда подвели к лодке, Роман уже держал наготове большой подсак. С первого захода не получилось — щука мотнула головой, ушла в сторону. Роман зачерпнул снова, подвёл обруч под брюхо, рванул на себя. Вдвоём еле втащили через борт. Щука рухнула на дно лодки и забилась — хвост грохотал по алюминиевому настилу, пасть разевалась и закрывалась с влажным чавканьем. Олег, не медля, выхватил из-под сиденья молоток — короткий, с наборной рукоятью. Первый удар пришёлся вскользь, щука рванулась, выгнулась дугой. Второй — точный, глухой, в голову. Щука задрожала всем телом и затихла. Килограмм двенадцать, не меньше. Олег молча кивнул, не в силах говорить от переполнявшего его холодного, почти охотничьего торжества, и они погнали к базе — мотор взревел, лодка легла на редан.

Вечером варили уху. В огромном, закопчённом до черноты казане булькало, исходило паром, и запах стоял такой, что слюна скапливалась сама собой. Сидели у костра, разливали по кружкам чай — крепкий, чёрный как дёготь, сладкий от сгущёнки. Семён достал спирт, разбавил водой в стеклянной банке, но пили понемногу — для разговора, для тепла в груди. Дети носились по двору, собаки лаяли на них заливисто и бестолково. Женщины смеялись, вспоминали прошлые выезды — кто-то рассказывал, как в позапрошлом году медведь подходил к базе, кто-то — как сломались недалеко отсюда и гребли до утра.

Они не знали, что этот день — один из последних таких дней. Что скоро мир рухнет. Но это будет потом. А сейчас горел костёр, пахло ухой, хвоей и рекой, и впереди был ещё один день рыбалки.

В воскресенье они вернулись в город. Дорога с лодочной станции, ещё недавно пустая и сонная, встретила их непривычной суетой. На заправках — очереди, хвосты машин, нервные гудки. В магазинах — суета, какой не бывало даже перед Новым годом. Люди говорили вполголоса, оглядываясь через плечо, и в этом шёпоте было больше тревоги, чем слов. Новости передавали каждые полчаса — дикторы, стараясь сохранять спокойствие, сообщали одно и то же: Запад начал провокации, Россия и Китай объединились против угрозы, начались локальные столкновения на границах. Ещё не ядерная война — но все понимали, что это вопрос времени. Времени, которого почти не осталось.

Олег собрал друзей вечером в гараже Андрея. В гараже пахло бензином, солидолом и железом, на верстаке горела лампа под жестяным абажуром, и лица мужчин, собравшихся вокруг, были напряжены. Он говорил негромко, но каждое слово падало весомо.

— Если полыхнёт — уходить надо сразу. Не ждать, не надеяться. У нас база, топливо, патроны, еда на год. Пять лодок. Если что — грузим семьи, всё, что успеем, и уходим на свою базу. Там отсидимся.

Понедельник прошёл в сборах. Ксения, как врач, упаковывала аптечку — руки её двигались быстро и точно, перебирали ампулы, бинты, жгуты. Зинаида, как экономист, считала запасы — записывала в блокнот столбики цифр, хмурилась, пересчитывала снова. Софья, учитель химии в городской школе, купила и собрала свои реактивы, аккуратно заворачивала склянки в вату, укладывала в ящик с мягкими прокладками. Виктория, бывшая жена Олега, молча грузила патроны — коробки и пачки ложились ровными рядами, и лицо её было спокойным, почти отстранённым. Дети помогали, не задавая лишних вопросов, но в их глазах уже поселилась тревога.

А во вторник утром мир рухнул. Связь пропала сразу — ни телефонов, ни радио, ни интернета. В эфире стоял лишь шорох, белый шум, как будто сама планета затаила дыхание. К вечеру город начал погружаться в хаос. Власти ещё пытались держать порядок — полицейские патрули, сирены, — но люди уже чувствовали: это ненадолго. Пошли слухи, что больше не привезут продуктов, топлива, ГСМ. Начался ажиотаж в магазинах — люди сметали всё с полок. К ночи пошли первые мародёрства: разбитые витрины, разграбленные салоны, драки на парковках у торговых центров. Борьба за ресурсы началась.

Сирены были по всему городу — полиция, скорые, пожарные. На окраинах поднялись столбы дыма — где-то горели склады, где-то горела заправка. Город, ещё вчера живший обычной жизнью, за сутки превратился в зону бедствия.

Олег дал сигнал. К лодочной станции ехали молча, пробираясь дворами, избегая главных улиц, где уже собирались толпы. Фары не включали. Начали грузить: топливо, оружие, медикаменты, продукты. Женщины с детьми занимали места в лодках. Олег стоял у кромки воды и смотрел на город, где поднимались дымы, где были сирены, где люди уже дрались за еду и бензин.

— Всё. Уходим.

Пять лодок отошли от причала и взяли курс вниз по течению. Сзади, на речном вокзале, кто-то кричал, кто-то выстрелил где-то рядом. Но они уже были на воде.

Три часа хода. Каждый смотрел на проплывающие берега и думал о своём. Николай — о больнице, о пациентах, которых не успел обойти. Андрей — о двигателях, о топливе, о том, сколько проработают моторы без ремонта. Василий — о металле, о том, что в тайге без хорошего топора и пилы — смерть. Роман — о тайге, о том, где сейчас зверь, где ягода, где рыба. Олег — о людях, о том, как выжить и удержать всех вместе. Через пару месяцев ударят морозы и наступит долгая зима.

Женщины думали о детях. Дети молчали. Ближе к концу пути мысли у всех сошлись в одной точке: выживут ли они? Выживут ли те, кто остался?

Ответа не знал никто.

Но это были не просто люди — это были северяне. В их генах текла память о лихолетье гражданской войны, о бандах времён Великой Отечественной, о голоде, о принудительных переселениях. Их деды и бабки прошли через это. Выжили. Передали детям главное: умение держаться, умение ждать, умение работать до последнего вздоха. Они не знали, выживут ли. Но знали, что будут держаться до конца. Потому что по-другому здесь не умели.

Впереди показался знакомый ориентир — скала у правого берега, за которой начинался подход к речке Саспыт-Юрях (Спрятавшаяся речка). Олег сбросил газ и поднял руку. Колонна начала перестраиваться. База была рядом.

У устья их уже ждал Семён. Старый эвенк стоял на берегу с карабином в руке. Он ничего не спросил. Лишь взглянул на встревоженные лица людей, на детей, притихших на тюках с вещами, на оружие поверх рюкзаков. Всё понял без слов.

Он слушал радио последние дни. Слышал, как одна за другой замолкали станции. Последней смолкла местная якутская. Молча шагнул к первой лодке, принял нос, помог вытащить на берег. Так же молча пошёл к следующей.

Только когда последний рюкзак был занесён в избу, Семён подошёл к Олегу.

— Значит, всё?

— Всё.

Семён кивнул, помолчал.

— Тогда будем жить.

Базу эту они строили долго, года три, и строили скрытно. Местные из Сылгы-Юряха знали только то, что им говорили: богатые чудаки строят элитное охотугодьё. Что именно там, за высокой стеной, — не знал никто.

Теперь база открылась перед ними — как их собственный дом. Пять больших домов коттеджного типа с солнечными панелями на крышах. Гараж с генераторами, «Сокол» с прицепом, «Джимни», квадроциклы. Мастерская с кузней, баня, теплицы, огороды. Ангар с двадцатью пятью бочками топлива. Они запасали это годами — не на случай войны, а чтобы хватило на осенние и весенние сезоны охоты и чтобы не гонять туда-сюда в сезоны. Закидывали все весной по зимнику, по реке. Никто из них не думал, что это все станет базой для выживания.

Олег вернулся к группе, стоявшей посреди двора.

— Разгружаемся. Завтра будем думать, как жить дальше.

К вечеру техника стояла в гараже, лодки — в схроне, люди — в домах. База ожила

Глава 2

На следующее утро Олег собрал всех в гараже. Свет пробивался сквозь пыльные окна, косыми полосами ложился на дощатый пол. Пахло бензином, железом и старой смазкой — запах этот, привычный и даже уютный, сейчас казался почти родным. На верстаке лежал лист бумаги, расчерченный от руки простым карандашом — клетки, столбцы, кривоватые, но старательные. Андрей стоял рядом, крутил карандаш в пальцах, ждал, когда начнут.

— Давайте считать, — сказал Олег. Голос его звучал негромко, но в тишине гаража каждое слово падало весомо, отражалось от железных стеллажей. — Чтобы понимать, сколько у нас времени.

Начали с патронов. Роман, как главный охотник в их компании, докладывал без бумажки — всё держал в голове, только пальцы загибал, перечисляя. Двенадцатый калибр: три блока по сто штук дробь, номера от двойки до пятёрки, на каждого из шестерых охотников. Это 18 блоков тысяча восемьсот патронов только дробью. Он замолчал на секунду, давая всем осознать цифру. Картечь на гусей — ещё два блока, двести штук. Пуля Полева — один блок, сотня. Итого две тысячи сто выстрелов двенадцатого калибра.

Нарезные: по десять пачек на охотника, в пачке двадцать штук. Шестеро охотников — тысяча двести патронов. Плюс то, что осталось с прошлых выездов, россыпью в цинках — ещё примерно триста.

— На весенний и осенний сезоны обычно охоты хватало с запасом, — подытожил Роман. Он обвёл взглядом собравшихся, и в глазах его читалось одновременно и удовлетворение, и тревога. — Если стрелять экономно, на год, полтора растянем. Если воевать — за месяц сожжём.

Олег молча записал цифры в нижнюю строку.

Дальше — медикаменты. Николай и Ксения выкладывали на верстак всё, что успели взять с собой. Их движения были точными, почти церемонными, как будто они раскладывали не ампулы и бинты, а нечто священное. Антибиотики широкого спектра — коробочки с надписями, которые сейчас казались дороже золота. Обезболивающие в стеклянных ампулах — ледник на базе позволял хранить, но надолго ли хватит холода, никто не знал. Перевязочное — бинты, салфетки, пластыри. Хирургический набор в потёртом стальном кейсе — зажимы, скальпели, иглодержатели, даже шовный материал, шёлк и кетгут. Шприцы, системы для капельниц. Даже противозачаточные — Ксения взяла, молча положила на стол, никому не поясняя. Никто и не спросил.

— Хватит примерно до весны, — сказал Николай. Он говорил медленно, взвешивая слова. — Если без серьёзных операций. Если что-то сложное — могу только стабилизировать. Инструмент есть, условий нет.

Рации — пятнадцать штук. Десять было на базе, пылились на полке в мастерской, заряженные, готовые к сезону. Пять привезли с собой, для связи в лодках. К каждой — запасной аккумулятор в герметичном пакете.

Технику считал Андрей. Два «Бурана», две «Ямахи Викинг». Четыре лёгких саней из ПНД — пластик, не боящийся мороза. Две резиновые лодки одноместные надувные, две двухместные, одна лодка РИП с водомётом «Хонда-60». Бензопилы: четыре «Штиля», масло к ним, цепи запасные в масляной бумаге. Многое ещё со стройки. Сварочный аппарат в мастерской. Небольшая пилорама, привезённая три года назад, циркулярный станок.

Одежда: простые летние камуфляжи на всех, плюс старые запасные — те, что годами лежали на базе. Мембранные костюмы охотничьи «Учур», «ХСН» летние, зимние и демисезонные, на всех — мужчин, женщин и детей, повседневная практичная одежда. Привезли с

собой, когда уходили из города, хватали в спешке, но брали с умом. Обувь: сапоги болотные, берцы, унты зимние — каждому по паре, а детям ещё и на вырост.

Олег дописал последнюю строку, выпрямился, обвёл взглядом людей. Все молчали. Слышно было, как где-то на улице перекликаются дети, как ветер шуршит кронами сосен за стеной.

— Итого. Все примерно при благоприятном развитии ситуации и строгой экономии. Топливо — год. Еда — год. Патроны — год-два если не придется воевать с кем-то. Медикаменты — год. Связь — есть. Инструмент — есть. Одежда — на всех. — Он обвёл карандашом итоговые цифры. — Это то, что у нас есть. Теперь надо решить, как этим распорядиться.

После пересчёта собрался совет — пятеро друзей и Семён. Женщины ушли с детьми по домам, но воздух в гараже всё равно стал плотнее: здесь решалось будущее. Олег начал первое заседание, опершись ладонями о верстак.

— Сегодня девятнадцатое августа. Самое время для промысла. Нужно посменно охотиться, по два человека, на утку. Раз в три дня эти же двое ходят на марь, где солончак. Цель — добыть мяса. Каждые два дня двое с оружием, посменно, ставят и проверяют сети в устье ручья и на карасевом озере. Часть рыбы — в ледник, часть — коптить. Все передвижения — осторожно, вооружёнными, с рациями. Ушки на макушке. Нам нужны люди, рабочих рук не хватает. — Он оторвал взгляд от бумаги. — Надо провести разведку ближнего села Сылгы-Юрях. Может кто еще не уехал — представляться людьми издалека, присмотреться. Если подходят — предложить им переехать к нам. Надо начинать строить ещё избу, небольшую. Завтра я и Роман идём на разведку. Тут примерно шесть-семь километров до села. Пойдём налегке, на «Соколе», километр до села — пешком. Андрей, что думаешь по топливу?

— Ну что тут думать, топлива надолго не хватит, брать не откуда — Андрей пожал плечами, и в этом жесте было что-то от старого механика, привыкшего решать проблемы по мере их поступления. — Придётся вспоминать старые советские газогенераторы. В принципе, реально сделать. Надо пробовать, ничего не могу обещать. Неудобно, некрасиво, но главное — чтобы работало. Пока других вариантов нет.

Софья, сидевшая у стены на перевёрнутом ящике, подала голос. Все обернулись — она редко говорила на таких собраниях, но если говорила, то по делу.

— Есть ещё вариант — пиролиз пластика. Если нагревать пластик без доступа воздуха, он разлагается на углеводородные фракции. Можно получить синтетическую нефть, а из неё — бензин, дизель, масло. В институте мы такое проходили и видела как делают в интернете, я думаю сможем собрать установку. Это наиболее реально в наших условиях.

Андрей заинтересованно обернулся, даже шагнул к ней поближе. Софья объяснила.

— Нужна реторта, змеевик, холодильник, термометр. Термометр поищем в селе — должен быть у кого-то из старых механиков, на метеостанции. в медпункте или в котельной.

— Это интересно, — Андрей потёр подбородок, и в глазах его загорелся тот самый огонёк, который появлялся всякий раз, когда он натёкался на новую техническую задачу. — Газогенераторы — это дрова. А пластика вокруг — свалки, соседние деревни. Если получится — мы не зависим ни от чего пока есть дрова и пластик. Правда движки нужны будут старые, без электроники и наворотов.

— Вот и займитесь этим вместе, — кивнул Олег. — Главное — начать пытаться. Движки и запчасти найдём, будем искать на заимках и избах промысловых. Для детей нужно образовать домашнюю школу. Не сейчас, но через неделю надо. Занять их обязательно и учить всему. От десяти до шестнадцати лет приобщать к труду, пусть помогают. Ягоды, грибы, рыбалка. Нужно ещё выкосить траву и кусты на территории базы и поле вокруг базы, чтобы никто не мог подойти незаметно. Валить лес вокруг периметра в первую очередь. Семён, как думаешь, что с мясом и дичью нас ждёт?

— Нормально будет, — Семён огладил бороду, и в этом жесте было спокойствие человека, прожившего в тайге всю жизнь. — На мари два самца и одна самка с детёнышем есть. Недалеко ещё видел следы. На переходах тоже переплывают, бывает, туда-сюда. Да и медведей много. Зверь есть. Утки много. Рыба есть. Знаю, где добыть и ловить.

— Бригадир будешь у охотничьих групп.

— О-о, большой начальник теперь стал я, — засмеялся Семён и погрозил всем кулаком, и смех его, хрипловатый, раскатистый, разрядил напряжение, висевшее в гараже.

Все посмеялись — негромко, но искренне.

— Ну что, кто сегодня со мной на уток? — спросил Семён.

Руки подняли все, но нужны были лишь двое.

В пять утра вездеход «Сокол» выехал за ворота и направился в сторону профиля. Двигатель гудел ровно, утробно, и звук этот разносился над сонной тайгой, вспугивая птиц с верхушек сосен. Через десять минут переехали автодорогу Нам — пустую, без единой машины и оп старой тракторной дороге выехали на профиль. Это была идеально ровная линия, прорубленная через тайгу лет сорок-пятьдесят назад, ещё при Союзе, скорее всего для геологов. Местные называли такие линии в тайге просто «профиль».

Путь по профилю пестрел разнообразием местности. Кочкарник, жёсткий и упругий, сменялся ровными лугами, где трава стояла по пояс, а в низинах серебрилась вода. За лугами шло болотце — «Сокол» форсировал его на пониженной, чавкая грязью, оставляя за собой глубокие колеи. Потом полянка, залитая утренним солнцем, потом снова кочкарник, но уже горелый от прошлых пожаров — чёрные стволы, обугленная земля, запах золы, который ветер приносил порывами. Ехали шесть километров полчаса — «Сокол» шёл мягко, но осторожно: под колёсами чавкала вода, воздух был густым от испарений.

Потом спешили и пошли осторожно пешком. Дойдя до края леса, Олег припал к биноклю, и мир сузился до круга оптики. Село было явно обитаемо. Не все уехали. Рядом с селом паслись табуны лошадей — низкорослых, мохнатых, якутской породы. Стада коров разбрелись по лугу, и ветер доносил далёкое мычание. Лаяли собаки — звук резкий, отрывистый, отражающийся от леса. Но на улицах не было людей. Чувствовалось некое молчаливое напряжение, как будто село затаило дыхание и ждало.

— Так, ладно. Первая разведка проведена. Люди есть, кто-то да остался пока. Будем наблюдать дальше. Пошли.

После обеда, когда разведка прибыла на базу, Олег с Романом рассказали друзьям о результатах и стали собираться на вечерку с Семёном. Им не терпелось уже поохотиться на уток — руки чесались, и даже усталость после утреннего рейда не брала.

Крепко упала мошка. Мелкая, злая, она лезла в глаза, в уши, в нос, звенела над ухом тонким противным звоном. Откуда-то принесло дым — горький, едкий, непохожий на костровой. Где-то горела тайга, а может, и не тайга. Семён сделал дымокур — набросал в жестянку сырого мха, поджёг, и белый густой дым потянуло ветром. А охотникам дал отвар из хвои — терпкий, пахучий, в железной советской жёлтой кружке, облупленной по краям, но ещё крепкой. И стало значительно легче, мошка более менее отступила.

Когда шли к озёрам, Семён вдруг остановился, втянул носом воздух, повернул голову к ветру.

— Ветер изменился. До села может донести наши выстрелы. Могут и услышать.

Олег задумался, и в наступившей тишине слышно было только, как мошка звенит и как ветер шуршит в кронах. Потом ответил:

— Пусть слышат. Посмотрим, как себя поведут оставшиеся жители.

Глава 3

В селе Сылгы-Юрях было тихо, Илья стоял во дворе своего дома на закате и прислушивался. Ветра почти не было, и звук летел далеко, чисто, как по натянутой струне. Где-то вдали он услышал три выстрела — глухих, раскатистых, отражённых от кромки леса. Достал рацию, покрутил ручку громкости, поднёс к губам:

— Коля, приём.

Рация зашипела, потом из динамика донёлся знакомый голос:

— На связи, Илья.

— Слыхал?

— Да, стреляют.

— На реке?

— Либо на реке, либо в тайге у реки. Километров пять-шесть, примерно.

Илья прикинул направление, мысленно наложил на карту, которую помнил наизусть. Получалось — кордон. Тот самый, элитный, который строили три года назад. Он помнил, как ходили слухи: богатые городские чудачки отгрохали себе угодье за высокой стеной, а что там — никто не знал. Бригаду строителей привозили туда не местных.

— Завтра я схожу в ту сторону, гляну. А вы копаете картошку. Доканчивайте во всех оставшихся дворах. Тем, кто уехал, она уже не нужна, а нам понадобится.

— Понял.

Илья ещё постоял, прижимая рацию к груди. Ещё два выстрела — теперь ближе, как будто стреляли с воды. «На уток, видать, сидят. Значит, не река. Где кордон элитный, видимо. До этого вроде тихо было — значит, недавно приехали. Интересно», — подумал он. Мысль эта засела в голове и не отпускала.

— Ты чего там? — Из двери выглянула жена, Алёна. Голос её был с тревогой, она куталась в платок, хотя вечер был тёплым. В глазах — то самое выражение, которое появилось у всех после того, как пропала связь.

— Да нет, охотятся на уток кто-то на кордоне для крутых. Завтра схожу, узнаю, кто такие.

— А нам какое дело?

— Если люди хорошие — почему бы не помогать друг другу? Скоро станет хуже, Алёна. — Он повернулся к ней и добавил тише: — Сама знаешь.

Она ничего не ответила, только плотнее запахнула платок и ушла в дом.

В шесть утра Илья уже ехал на каракате по тому же профилю. Утро было сырым, туман стелился над землёй, цеплялся за кусты и низкие ветки. Каракат ревел, выбрасывая из-под огромных колёс комья грязи и травы. Перемахнул автодорогу — пустую, только ветер гнал по асфальту сухие листья. Заехал в лес, заглушил движок, спрятал кустами вездеход так, чтобы с тропы не заметили, и пошёл тихо в сторону кордона.

Шёл тихо, но открыто, не крался. Это была их земля — он здесь родился, вырос, знал каждое дерево, каждый поворот тропы. Если что будет не так — парни придут и спросят. Он поправил карабин на плече и двинулся дальше.

В бинокль было видно, что база жива. Над ней вился дымокур — белый, густой, он поднимался вертикально в безветренном воздухе и расплывался над кронами. Илья думал: «Если это хозяева, то должны быть нормальные люди. Они всё это время приезжали, тихо рыбачили, охотились, местных не тревожили. Да местные вообще их не видели. Мажоры бы уже давно всех достали...»

В спину упёрся ствол. Холодный, круглый, характерный. Илья знал, как чувствуется ствол карабина — всё-таки участковый, не первый год за плечами. Он замер, но не дёрнулся.

— Здорово. Извини, я заберу пока ствол? — Голос за спиной был спокойным, без угрозы, но с металлом.

— Да бери, конечно, — так же спокойно ответил Илья и медленно, двумя пальцами, подал карабин через плечо.

Олег держал свой карабин одной рукой, прижимая приклад к бедру. Другой рукой он медленно забрал карабин Ильи — старый, но ухоженный «Тигр», — и аккуратно, бережно поставил его на ствол молодой сосны, подальше от обоих. Потом спокойно сказал:

— Я Олег. Это наша база. А вы кто?

Илья повернулся. Перед ним стоял крепкий мужчина лет сорока, с внимательными глазами.

— Илья. Из Сылгы-Юряха. Слышал вчера вашу охоту, решил сходить в гости.

— В гости — это хорошо, Илья. — Олег чуть расслабил плечи. — Пойдём. Ствол я возьму, потом отдам, когда уходить к себе будешь. Идёт?

— Идёт.

И они пошли прямо к воротам — двое мужчин, ещё не друзей, но уже и не врагов.

Когда они вошли на базу, все с интересом смотрели на них. Женщины оторвались от работы, дети замерли на полпути, даже собаки перестали лаять и только настороженно водили носами. Прошли к дому Олега. Внутри пахло деревом и чаем. Олег убрал карабины в соседнюю комнату, плотно прикрыл дверь, вернулся, достал две кружки, налил чай — крепкий, чёрный, с дымком.

— Вот, строили мы базу для отдыха и охоты, а получилось вот как.

— Повезло, — сказал Илья, отпил чаю и посмотрел в окно, во двор, где кипела негромкая, но постоянная жизнь. — Многим и спастись негде. Многие у нас подались в город, будто там им будет легче. Кто-то в райцентр, кто в тайгу на свои угодья. Всё бросили: поля, огороды, коров, лошадей. Теперь мы, семь семей, за всё это и отвечаем.

— Понял. — Олег помолчал, потом спросил прямо: — То есть если нам нужны лошади, то надо говорить с тобой?

— Оставшиеся сами решили, что я теперь за главу. Настоящий свалил первым. Говорят, в райцентр, к родне.

— Нам бы не помешали лошади. Что за них хочешь?

Илья посмотрел на Олега долгим взглядом, потом сказал — просто, без торговли:

— Отдам пять так. За слово, что придёте на помощь, если придут чужаки.

Олег задумался, потом протянул руку:

— Рации с нашими настроим. Условная фраза — «Пока всё тихо».

— По рукам.

Они пожали руки — крепко, без лишних слов, как пожимают люди, которые понимают друг друга.

Олег показал Илье базу — конечно же, без фанатизма. Только то, что можно было показать: мастерскую, где пахло деревом и железом, ангар с техникой, теплицы. Они уже шли к воротам, когда Олег сказал:

— Скрывать не буду: я бы хотел, чтобы вы переселились к нам. Ваше село оборонять труднее, чем скрытую укреплённую базу посреди тайги. И было бы больше рабочих рук. Мы бы вместе быстро отстроили вам дома до наступления зимы.

Илья помолчал. Шагнул к воротам, положил руку на деревянный брус, как будто пробуя его на прочность. Потом сказал:

— Нашим семьям будет безопаснее здесь. В сентябре мы приедем. Здесь многого не хватает. Видимо, скоро это не закончится. Вывезем всё из села сюда: напилем лес, доски. Есть

дизель от электростанции села. Сольём весь бензин, что найдём. Открутим профлисты, выпилим трубы.

— Поучаствовать в этом мародёрстве было бы честью для нас, — улыбнулся Олег, и улыбка эта была первой за долгое время.

— Конечно, можете приезжать, дело пойдёт быстрее. Ещё надо добрать весь урожай — хозяева вряд ли объявятся скоро.

— Ладно. Счастливо, Илья, — сказал Олег, передавая карабин за воротами.

— Бывай, Олег, — сказал Илья и, взяв карабин, пошёл к автодороге — не оглядываясь.

Андрей, узнав о полученной санкции на доступ к ресурсам села, горячо настоял на экспедицию на следующий же день — искать нужные ему детали, запчасти и старую советскую технику. Глаза его горели тем самым огнём, который Олег уже хорошо знал: если Андрей что-то задумал, остановить его могло только отсутствие инструмента. С утра от базы выехала колонна: «Джипни» и «Сокол» с прицепом.

Когда они заехали в деревню, всё небольшое население села высыпало на центральную улицу. Люди стояли вдоль заборов, выглядывали из-за калиток, дети жались к матерям. Олег примерно посчитал: семь семей — шестнадцать взрослых, считая двух стариков, семь мужчин, семь женщин, двое подростков и семеро детей от двух до десяти.

Илья встретил его у своего дома. Андрей сразу перешёл к делу, даже не поздоровавшись толком:

— Нет ли у вас тут старой техники советской? УАЗы карбюраторные, старые трактора «Беларус», вездеходы гусеничные?

— УАЗ один тентовый и старый «Беларус» есть. Движок ЗИЛ-130, но саму машину уже не восстановить — там только двигатель, коробка и рама могут пригодиться, а так всё ржавое.

— Ясно. Ну, и то хлеб. Показывайте.

УАЗ и старенький трактор были на ходу — просто от долгого простоя пришлось Андрею с ними провозиться. Он нырнул под капот, чертыхался, гремел ключами, но запустил оба и перегнал в центр села к колонне, где уже ждали остальные. Нашли такой же старенький прицеп к трактору — ржавый, но целый.

Андрей шарил по дворам и гаражам брошенных домов целый день. Солнце уже перевалило за полдень, когда он вылез из очередного сарая, весь в пыли и паутине, но с очередной находкой. Собрал кучу деталей и запчастей — прицеп «Сокола» был загружен полностью: карбюраторы, генераторы, стартеры, трамблёры, катушки зажигания. Но самое ценное — старые советские книги. Потрёпанные, с пожелтевшими страницами, пахнущие пылью и временем: для трактористов, механизаторов, по химии, по автомобильной технике.

В селе нашлись два опытных тракториста — Саня и Лёха, практически готовые механики. Андрей с ними сдружился за целый день — они говорили на одном языке, языке железа и двигателей. Они втроем и погнали колонну на базу. Олег ехал на «Соколе» и смотрел на радостного Андрея, нашедшего единомышленников — тот что-то оживлённо рассказывал, размахивал руками, и ветер уносил его слова.

На выезде из села они свернули с дороги и заехали на местную свалку. Андрей с трактористами шустро сняли два ржавых бака с кабины того, что когда-то было машиной или трактором, а теперь почти вросло в землю — Олегу показалось, что это был трелёвщик на лесозаготовках, когда-то очень давно. Потом начали собирать мусор — пластиковые канистры, бутылки от масел, обрезки труб. Олег терпеливо ждал, сидя на подножке «Сокола». Собрав всё, что можно, они закинули добычу в прицепы и наконец, уже в сумерках, поехали к просеке.

На следующий день Олег заметил, что два механика, Саня и Лёха, бегали с Андреем с очень деловым видом. Те два бака они разобрали и перерисовывали всё на листах бумаги — схемы, размеры, узлы. Олег подошёл к ним.

— Здорово, мужики. Что это?

— Привет, Олег. Это советский газогенератор НАГИ Г-14, сороковых-пятидесятих годов. Мы хотим попробовать сделать такой же, но поменьше, для УАЗа, — затараторил увлечённо Андрей, тыкая карандашом в чертежи.

— А мусора вам столько зачем?

— Это бензин, Олег. — Андрей поднял голову, и в глазах его горел тот самый огонь. — Помнишь, Софья говорила: пиролизом пластика и гидроочисткой можно добыть топливо, близкое по качеству к бензину, для непривередливой техники.

Олег покивал, будто понял.

— Ясно, — сказал он и пошёл к Семёну спросить про сегодняшнюю охоту на мари.

Глава 4

Прошло два дня. На базе ещё обустраивались. Утки было много, но на мари за мясом пока не ходили — дел хватало на площадке. Рыба начала ловиться стабильно: щука, окунь. Сети ставили каждый вечер, утром проверяли. Улов был не сказать чтобы богатый, но на уху хватало, и женщины уже солили впрок в заготовленных для этого деревянных кадках. Их ещё два года назад сделали на заказ.

Ранним утром, когда над базой ещё стоял туман — густой, белёсый, пропитанный запахом реки и прелой хвои, — рация ожила. Голос Ильи был спокойным, даже слишком спокойным, но в самом факте вызова чувствовалась тревога: просто так они не договаривались выходить на связь. Олег взял рацию, вышел на крыльцо. Туман клубился у земли, скрадывал очертания построек. Где-то хлопнула дверь, залаяла собака, звякнуло ведро.

— Привет, Олег. Сегодня не надо приезжать. Пока всё тихо.

Олег стоял с рацией в руке и смотрел на просыпающуюся базу. «Пока всё тихо» — условная фраза. Однозначный призыв о помощи. В селе чужие.

Олег, Роман, Василий, Андрей, Николай с карабинами собрались быстро. В гараже пахло бензином и металлом — резко, густо, и в этом запахе сейчас было что-то тревожное, предбоевое. Камуфляги легли на плечи — ткань ещё хранила холод ночи, мембрана шуршала при движениях. Карабины легли в руки — привычная тяжесть, холод воронёной стали. Патроны — в подсумки, один за другим, с сухими щелчками. Рации проверены, каналы настроены. Умеющая хорошо стрелять Вика напросилась с ними — Олег не мог ей запретить, о чём она и напомнила ему на попытку отказа, глядя прямо в глаза, спокойно и непреклонно. Он выдержал её взгляд секунду, две — и отвёл глаза. Спорить было некогда.

«Сокол» и «Джимни» ехали на максимальной скорости, насколько могли по бездорожью. Ветки хлестали по бортам, колёса взрывали лужи, оставляя за собой веера грязной воды. Подвеска стонала на ухабах. В салоне молчали — каждый думал о своём, проверял оружие, смотрел в окно на мелькающий лес. На расстоянии километра от села Олег дал команду высадиться, и они осторожно, перебежками, от дерева к дереву, подошли к Сылгы-Юряху. Под ногами хлюпало — утренняя роса ещё не сошла. Где-то в лесу крикнула желна и смолкла.

Олег и Роман смотрели на село в бинокль, Василий — в оптику. Мир сузился до круга линз. В центре, у сельсовета, стояли четыре джипа — чёрные, блестящие, чужие. У машин ходили люди в камуфляже, с оружием. Олег насчитал четверых у машин, поправил фокус — резкость скакнула, вернулась. У двоих — карабины, у одного — помповое ружьё, и только у одного автомат. Автоматчик стоял чуть в стороне, курил, сплёвывал под ноги.

«Четверо у машин. Есть ещё. Сколько ещё? Четыре машины — до шестнадцати человек вмещают, но вещи, оружие... примерно восемь-десять. Значит, в доме или в домах ещё четыре-шесть».

Он перевёл бинокль на дома. Окна тёмные, двери закрыты. Ни детей, ни женщин — видимо, попрятались или их заперли. Улица пустая, только ветер гнал пыль вдоль заборов.

— Пока наблюдаем. Больше нигде нет чужих?

— Нет, только в центре, — тихо ответил Роман. Он лежал рядом, пристроив бинокль на согнутую руку. Дышал ровно, но Олег видел, как побелели костяшки пальцев на карабине.

Олег лихорадочно думал. «Сигнал был чёткий — нужна помощь. Можно открыть огонь, далековато, может снимем этих четверых, но тогда внутри они возьмут заложников или убьют всех. Дом Ильи — у него там семья. Нет. Надо ждать. Вдруг всё обойдётся».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.